

УДК 82-1/29

DOI: 10.26456/vtfilol/2024.1.032

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДИАЛОГИЧНОСТИ ПОЭЗИИ А. С. ХОМЯКОВА

С. Ю. Николаева, В. А. Редькин

Тверской государственной университет, г. Тверь

Поэзия А. С. Хомякова рассматривается в аспекте литературных связей, как генетических, так и типологических. Демонстрируется укорененность творчества А. С. Хомякова в древнерусских традициях, его обращенность к поэтам последующих эпох. Основные темы хомяковской поэзии (творчество, Русская земля, русский бог, Русь-степь, индивидуальный духовный опыт и поиск современного человека) – делают наследие Хомякова весьма заметной и влиятельной органической частью русской литературы. Прочтение поэзии Хомякова в широком литературном контексте позволяет установить соответствия с художниками, которые, казалось бы, были далеки от славянофильского направления и от поэтического мира Хомякова, но все-таки обнаруживают с ним любопытные точки соприкосновения.

Ключевые слова: А. С. Хомяков, поэзия славянофилов, литературные связи, традиция, диалогичность литературы, интертекст.

Поэтическое наследие А. С. Хомякова невелико по объему (всего около сотни стихотворений). До сих пор бытует мнение, что поэту-славянофилу «так и не удалось создать эстетического единства своего художественного мира 40–50-х годов» [4, с.19], но есть и исследования, которые подтверждают художественную целостность поэтической системы А. С. Хомякова [2].

Нам представляется, что поэзия А. С. Хомякова недооценена прежде всего с точки зрения влияния на литературный процесс, с точки зрения литературных (интертекстуальных) связей. В статье Б.Ф. Егорова в томе «Библиотеки поэта» были отмечены такие связи, но, думается, далеко не все. Здесь упомянуты имена Жуковского (в связи с неоднозначной метафоричностью некоторых поэтических образов), Блока и Вл. Соловьева (в связи с темой приближающихся мировых катаклизмов), Тютчева (в связи с трактовкой «философской трагедийности ночи»), Лермонтова, Некрасова и Тютчева (в связи с темой родины), Раевского, Кюхельбекера, Рылеева и Пушкина (в связи с темой новгородской вольницы и образом легендарного Вадима Новгородского), Пушкина (в связи с антитезой «закон-воля», которая восходит к пушкинским «Цыганам» и развивается

© Николаева С. Ю., Редькин В. А., 2024

вплоть до Льва Толстого, у которого Федя Протасов говорит: «Это степь, это X век, это не свобода, а воля») [1].

Этот круг литературных параллелей может и должен быть расширен. В некоторых случаях речь может идти о параллелях генетических, в некоторых – о типологических, но все они представляются в равной степени значимыми для корректного современного прочтения поэтического наследия Хомякова.

Изучая категорию соборности в философии и поэзии А. С. Хомякова, Е. О. Непоклонова сделала вывод о связи этой категории с диалогизмом художественного мышления поэта: «Его творчество занимает оригинальное место в историко-литературном процессе, диалогически соприкасаясь с ним, прежде всего, в глубинном, мистическом плане бытия, обнаруживая в этом процессе те его «подводные течения», которые вышли на поверхность культуры гораздо позднее. Поэтому выяснение значения хомяковского творчества в литературном, и, шире, культурном процессе, его взаимосвязей с творчеством других мыслителей и художников XIX века, степени оригинальности Хомякова в контексте общеславянофильского направления и многих других вопросов должно осуществляться с учетом специфики этой диалогической установки автора» [4, с.20].

Анализ литературных связей А. С. Хомякова – генетических и типологических – подтверждает эту гипотезу. Действительно, поэзия А. С. Хомякова тесно связана с предшествующей литературной традицией, она перекликается с современной поэту литературой, а также вызывает диалогический отклик у поэтов и писателей позднейшего времени, последующих поколений.

Прежде всего обратим внимание на хомяковскую концепцию поэта и творчества, которая, несомненно, испытала на себе влияние древнерусского культурного наследия, в первую очередь «Слова от полку Игореве». В частности, имя Баяна прямо упоминается в стихотворении «Ода» (1830):

Орлы славянские взлетают...<...>
Их тверд союз, горят перуны,
Закон их властен над землей,
И будущих Баянов струны
Поют согласие и покой!.. [9, с. 90].

Упоминание о «перунах» поддерживает очевидность литературных параллелей со «Словом о полку Игореве». Образ Баяна мотивирован тем, что в стихотворении Хомякова речь идет о вражде славянских племен, которую необходимо преодолеть, равно как и в «Слове о полку

Игореве» речь шла о княжеских междоусобицах, с которыми необходимо покончить. Конечно, Баян в «Слове» – это оппонент автора-повествователя и с точки зрения идеологии, и с точки зрения эстетики. Хомяков метонимически представляет нам самого автора «Слова», который не прославляет князей, но «поет согласие и покой». Аллюзией на «Слово» являются, по нашему мнению, и следующие строки (здесь и далее курсив наш. – С. Н., В. Р.):

Да будут прокляты *преданья*,
Веков исчезнувших обман,
И *повесть* мщенья и страданья,
Вина неисцелимых ран ([Там же, с. 90].

«Слово о полку Игореве» – это и есть печальное «преданье» о княжеских винах, «трудная» повесть «мщенья и страданья».

Итак, хомяковский Баян – это певец и рассказчик «трудных повестей». Вместе с тем в нем есть, так сказать, аутентичные черты Баяна из древнерусского «Слова», а именно – широкий полет творческой мысли и воображения. Он способен «растекаться мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы». Развернутой реализацией этих метафор представляется «Желание» (1827):

Хотел бы я разлиться в мире,
Хотел бы с солнцем в небе течь,
Звездой в сумрачном эфире
Ночной светильник свой зажечь.
Хотел бы зыбью стеклянной
Играть в бездонной глубине
Или лучом зари румяной
Скользить по плещущей волне.
Хотел бы с тучами скитаться,
Туманом виться вокруг холмов

Иль буйным ветром разыграться
В седых изгибах облаков;
Жить ласточкой под небесами,
К цветам ласкаться мотыльком
Или над дикими скалами
Носиться дерзостным орлом.
Как сладко было бы в природе
То жизнь и радость разливать,
То в громах, вихрях, непогоде
Пространство неба обтекать! [Там же, с. 72]

Данное произведение лишь на первый взгляд может показаться воплощением пантеистического мировосприятия, но на самом деле выражает творческую программу, особую эстетику универсализма, всеохватности, особого рода «украшенности» стиля, «извития словес», когда «стройные песнопенья» подобны «сладкозвучной волне», когда в каждой строчке поэта отражается красота мира Божьего.

Любопытным дополнением к хомяковской концепции поэта может служить стихотворение «По прочтении псалма» (1856), которое завершается словами, вообще отсутствующими в библейском первоисточнике:

... Есть дар бесценный,
 Дар, нужный Богу твоему:
 Ты с ним явись, и, примиренный,
 Я все дары твои приму.
 Мне нужно сердце чище злата
 И воля крепкая в труде,
 Мне нужен брат, любящий брата,
 Нужна мне правда на суде [Там же, с. 139–140].

Здесь противопоставляется культовое служение Богу, предпринимаемое народом Израиля, т.е. религия, принявшая некие установленные внешние формы, формы Закона, и вера в Бога, основанная на любви; искусство, поддержанное ученостью, и искусство «безыскусное», но религиозно-нравственное. Смысловую аналогию встречаем у протопопы Аввакума, ссылающегося, в свою очередь, на апостола Павла: «...и аще что реченно просто, и вы, Господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обыкъ ръчи красить, понеже не словес красныхъ Богъ слушает, но дьль нашихъ хочет. И Павелъ пишетъ: “Аще языки чельовъческими глаголю и ангельскими, любви же не имам – ничто же есть”. Вотъ, что много рассуждать: ни латиньскимъ языкомъ, ни греческимъ, ни еврейскимъ, ниже иными коими ищет от насъ говоры Господь, но любви с прочими добродетельми хочет, того ради и я не брегу о красноръчии и не уничижаю своего языка русскаго» [7, с. 454]. Те функции языка (государственные, богословские, научные и др.), которые принадлежали благодаря мировой традиции греческому, латинскому, еврейскому, с успехом может выполнять язык русский. Такова позиция Аввакума, который осмыслял свой «природной» язык как синтез «московской редакции церковнославянского языка, разновидностей русского литературного языка и живой народной речи» [3, с. 204].

Любовь к Богу и миру из категории духовно-нравственной превращается у Хомякова в эстетическую, способствует формированию творческой программы поэта. С древнерусской топикой и стилистикой связана

у Хомякова и тема родной земли, тема Руси. «Русская песня» (1830-е гг.?) представляет собой стилизацию народного стиха, былины и содержит в себе важнейшие мотивы, складывающиеся в целостный мотивный комплекс, в целостный образ Русской земли, заставляющий вспомнить «Слово о погибели Русской земли»: «О светло светлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверьми, различными птицами, бесчисленными городами великими, селы дивными, виноградны обителными, дома церковными, и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Русская, о правоверная вера христианская!» [6, с. 130]. Древнерусский автор перечисляет богатства Руси, дает характеристику ее геополитического пространства и, наконец, делает итоговое заключение о роли христианства в жизни Русского государства. Пожалуй, можно говорить даже о тождестве Руси и православной веры, которое осознается автором этого произведения вполне отчетливо.

Очень важно, что все вышеприведенные мотивы из «Слова о погибели...» повторяются в «Русской песне» Хомякова:

Гой красна земля Володимира!
Много сел в тебе, *городов больших,*
Много люду в тебе православного!
В *сини горы* ты упираешься,
Синим морем ты омываешься...
По земле ходит слово Божие...
А господних слуг да молельщиков,
Что травы в степях, что песку в морях [9, с. 105].

Данная параллель тем более знаменательна, что, как известно, рукопись «Слова о погибели...» была опубликована Хрисанфом Лопаревым лишь в 1890-е годы. Мог ли текст памятника быть известен Хомякову по какой-либо не дошедшей до нас рукописи или же поэт, хорошо знавший древнерусский литературный пласт, просто угадал общую тональность, уловил самый стиль подобных описаний – это вопрос, требующий дальнейших разысканий и, вполне возможно, не имеющий перспективы быть разрешенным. В данном случае нам лишь важно подчеркнуть, что древнерусский культурный слой довольно органично вошел в творческое сознание и наследие Хомякова, причем в своих лучших, вершинных образцах. Здесь и типологическое сходство, и явная генетическая связь.

Стоит добавить, что Хомяков по-своему воспринимает и поэтически интерпретирует такой принцип организации художественного пространства, свойственный древнерусской литературе, как «взгляд с вы-

соты птичьего полета», когда перед взором поэта возникает словно вся карта Руси. В стихотворении «Киев» создается образ Киевской Руси – и одновременно образ более поздней и обширной России. К старому Киеву стекаются богомольцы со всех концов Русской земли:

- «– “Я от Ладоги холодной”,
- “Я от синих волн Невы”,
- “Я от Камы многоводной”,
- “Я от матушки Москвы”» [Там же, с. 113].

Хомяков упоминает Дон и Енисей, Алтай и Псков, север и юг, размышляя о судьбе современной России, о конфликте с Польшей, об утрате для православия Волини и Галича, т.е. древнего Галицко-Волынского княжества. Речь идет о необходимости сохранения единства Руси и ее современных границ, и древнерусский «монументальный историзм» становится для поэта важнейшим творческим инструментом.

Второй аспект, на который хотелось бы обратить внимание в рамках данной статьи, – это воплощение в поэзии Хомякова темы (и топоса русской культуры) «русский Бог». Как известно, этот топос появился и присутствовал еще в древнерусских воинских повестях (например, в «Сказании о Мамаевом побоище»), в поэзии XVIII века, особенно ярко у Николая Львова; затем в поэзии XIX века вплоть до иронического переосмысления в одноименном стихотворении П.А. Вяземского. Обобщая, можно сказать, что во всех этих случаях речь шла об историческом пути России, о ее судьбе, о русской ментальности, о русском духе, и все варианты данной формулы восходили к реплике, якобы произнесенной Мамаем: «Велик русский Бог!»

Хомяков по-своему примыкает к обозначенной традиции. В его стихах не встречается дословно выражение «русский Бог», но есть целая парадигма его вариантов и воссозданы все контексты, в которых оно могло употребляться.

Один из вариантов – характеристика русского богатыря в неоконченной поэме «Вадим» (1828). Выступая «спасителем славян» и «бичом варягов», он сопоставляется с «богом брани», потому что «русский Бог» проявлял себя прежде всего на поле битвы: «Не столь ужасен брани Бог, / Когда мрачнее черной ночи / Несется в вихре он меж небом и землей, / Одетый ужасом, сопутствуем враждой!» [Там же, с. 78].

В данном произведении «русский Бог» несет на себе отпечаток славянского язычества, образ его создается с помощью ассоциаций и реминисценций все из того же «Слова о полку Игореве» (что свидетельствует о любви Хомякова к древнерусской повести и подтверждает ее значимость для формирования художественного мира поэта):

Ему от ранних детских дней
Дажбог внушил дар чувств высоких...
<...>

И на младом челе могущею рукою
Черты владычества *Перун* запечатлел [Там же, с. 77].

Еще один вариант «русского Бога» – уже христианского – появляется в стихотворении «На перенесение Наполеонова праха» (конец 1840-х гг.), где поражение Наполеона и победа России объясняется так: «И не меч, не штык трехгранный, / А в венце полнощных звезд – / Усмиритель бури бранной – / Наша сила, русский крест!» [Там же, с. 119].

Как видим, задолго до Льва Толстого было понято и высказано, что исход сражения решает не количество пушек и солдат, не место, на котором стоят войска, а дух народа и войска, что «нет величия там, где нет простоты, добра и правды». В тексте Хомякова это звучит так: «Нет могущества, ни силы, / Нет величья под луной!»

Кроме славянского «Бога брани» и «русского креста», у Хомякова появляется еще и «парус русский»: «Мчись, корабль: твой путь завиден... / Господи, благослови!» [Там же, с. 145].

Все три словесные формулы – «русский Бог» «русский крест» и «русский парус» – связаны с военной проблематикой, но в первом случае речь ведется о защите от внешнего врага, во втором – от врагов вообще (в том числе от внутренних), а в третьем говорится о единении всех славянских народов вокруг «русского корабля» и «русского паруса». Хомяков весьма активно участвует в разработке важнейшей топики русской культуры.

Необычное воплощение темы Русской земли и русской веры возникает у Хомякова в стихотворении «Степи» (1828), которое содержит не только пейзаж, выдержанный в духе православия (хотя он там, несомненно, присутствует), не только противопоставление «закона» цивилизации «воле» степей, но еще и концепцию русского характера: «Ах! Я хотел бы быть в степях / Один с ружьем неотразимым, / С гнедым конем неутомимым / И с серым псом при стремянах» [Там же, с. 76].

В комментаторской практике, как упоминалось выше, антитезу «Закон – воля» принято возводить к пушкинским «Цыганам» и к романтической традиции в целом. На первый взгляд, это так и есть: «...Цветет свободная земля. / Там не пресек ее межами / Людей бессмысленный закон <...> Но смертных ждет святая доля <...> Степей кочующая воля...» [Там же, с. 77]

Однако системный подход к текстам Хомякова позволяет увидеть, что антитеза «закон — воля» может быть с большим основанием прочитана как «Закон – Благодать». Поэт отказывается от ветхозаветной сим-

волики и тяготеет к принципам, мотивам и символам православной веры. Именно эта антиномия лежит в основе хомяковской концепции творчества («По прочтении псалма») и разворачивается в других стихотворениях. Хомяков осуждает тех, кто говорит: «Мы род избранный... <...>. Для нас закон, у нас пророки» [Там же, с. 131]. Поэт утверждает, что Бог «с тем, кто духа и свободы ему возносит фимиам» [Там же, с. 131]. В стихотворении «Широка, необозрима» (1858), вопреки устоявшемуся мнению, Хомяков изображает не Соломона, сына Давида, а Иисуса Христа, из колена Давидова, и описывает его встречу народом Иерусалима (Вербное воскресение) [Там же, с. 142–143]. Не ветхозаветную «книжную мудрость», а «любовную тишину» христианской веры отстаивает Хомяков, не ветхозаветные, а только новозаветные, христианские нравственные постулаты и новозаветная символика позволили ему выразить свой взгляд на современного русского человека.

Стихотворение «Степи» (1828) интересно своим воздействием на позднейшую литературу. Б. Ф. Егоров полагал, что это стихотворение повлияло на Л. Толстого (ср. слова Феде Протасова), но корректнее, по-видимому, считать, что данное влияние было опосредовано А. П. Чеховым с его знаменитым высказыванием: «Россия – громадная равнина, по которой носится лихой человек» [10, т. 17, с. 93].

Чехов имел в виду сложность русской истории, обусловленную географией и национальным характером. Свое понимание проблемы он изложил в одном из писем к Д. В. Григоровичу от 5 февраля 1888 г.: «Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полетом мысли; с другой – необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина... славянская апатия... Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается... Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться» [10, Письма, т. 2, с. 190].

Художественная реализация данной темы была осуществлена Чеховым в повести «Степь» (1888), одноименной со стихотворением Хомякова, где есть герой, словно бы заимствованный у поэта-славянофила и представленный более конкретно. Этот герой занимает совершенно особое место в системе персонажей «Степи», так как воплощает собой силу, волю и власть над людьми и природой, даже над самой степью – «таинственный, неуловимый Варламов, о котором так много говорят, которого презирает Соломон и который нужен даже красивой графине <...> Варламов имеет несколько десятков тысяч десятин земли, около сотни тысяч овец и очень много денег; <...> он всегда «кружился в этих местах»

[10, т. 7, с. 43–44]. Судя по этому фрагменту, Чехов описывает личность неординарную и неоднозначную, в которой совмещаются и черты, обусловленные влиянием цивилизации (власть денег), и черты, являющиеся следствием неизбывной, генетически закрепленной в русском человеке «степной вольницы» (см. об этом: [5, с. 170]).

Русская вольница, которая сформировалась в древности и которая дает о себе знать в Новое время, подчас вступая в противоречия с законами современной цивилизации, глубокий исторический подтекст – вот что объединяет философско-историческую повесть Чехова «Степь» и философскую поэзию Хомякова.

Переключка с А. С. Хомяковым обнаруживается и в рассказе Чехова «Черный монах» (1892), который давно интригует литературоведов своей таинственностью, неоднозначностью, загадочностью. Во множестве работ делаются попытки обнаружить истоки образа монаха, объяснить видение магистра Коврина научно-медицинскими познаниями или же философскими увлечениями писателя. Не углубляясь в детальный анализ чеховского текста, вспомним, что главная коллизия чеховского рассказа – противоборство индивидуализма, книжной премудрости, гениальности и злобы с одной стороны и тихой веры и упования на Божью волю владельцев сада с другой – также предугадана в поэзии Хомякова. «Видения», воссозданные Хомяковым, могут быть для лирического героя как благими прозрениями, так и мрачными, бесовскими наваждениями. В «Видении» (1840) лирический герой беседует с Богом:

Как темнота широко воцарилась!
Как замер шум денного бытия!
<...>
Ты здесь, ты здесь, владыка песнопений,
Прекрасный царь моей молодой мечты!
Небесный друг, мой благодатный гений,
Опять, опять ко мне явился ты!
<...>
По-прежнему эфирным дуновеньем,
Небесный брат, коснись главы моей;
Всю грудь мою наполни вдохновеньем;
Земную мглу от глаз моих отвей! [9, с. 116–117]

В стихотворении «Широка, необозрима...» (1858) раскрывается внутреннее состояние человека, обольщенного злыми, бесовскими силами, поработанного мировым злом и неверием:

Но в своем неверьи твердый,
Неисцельно ослеплен,

Все, как прежде, книжник гордый,
 Говорит: «Да где же он?
 И зачем в борьбе смятенной
 Исторического дня
 Он проходит так смиренно,
 Так незримо для меня
 А нейдет, как буря злая,
 Весь одетая черной мглой,
 Пламенея и сверкая
 Над трепещущей землей?» [Там же, с. 142–143]

В рассказе «Черный монах» магистр Коврин видит нечто подобное – такое же мрачное видение, подчиняющее душу, разрушающее личность человека и даже окружающий его мир. Но художественной задачей Чехова становится показать эволюцию героя от одного полюса, положительного, к другому, отрицательному, продемонстрировав губительность безверия и чрезмерного увлечения книжной фарисейской премудростью. Хомяков в данном случае предвещает Чехова.

Далеко не исчерпав вопрос о литературных связях поэзии Хомякова, подведем итог вышесказанному. Основные темы хомяковской поэзии (творчество, Русская земля, русский бог, Русь-степь, индивидуальный духовный опыт и поиск современного человека) – делают наследие Хомякова весьма заметной и влиятельной органической частью русской литературы. Это наследие невелико по объему, оно неброско по жанрово-стилевым находкам, но замечательно по богатству высказанных мыслей, которые доминировали в истории русской литературы на всем ее протяжении. Прочтение поэзии Хомякова в аспекте литературных связей позволяет установить соответствия с художниками, которые, казалось бы, были далеки от славянофильского направления и от поэтического мира Хомякова, но все-таки обнаруживают с ним любопытные точки соприкосновения.

Список литературы

1. Егоров Б. Ф. Поэзия А. С. Хомякова // Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Ленинград: Советский писатель, 1969. С.5-56.
2. Зеленина А. Н. Феномен Пути в поэтической гносеологии А. С. Хомякова: от героя к соборной личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. Н. Зеленина; Удмуртский государственный университет. Ижевск, 2012. 24 с.
3. Калугин В. В. «Русской природной язык» в системе религиозно-культурных ценностей раннего старообрядчества // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 4. XVII – начало XVIII вв. Москва: Наука, 1992. С. 204.

4. Непоклонова Е. О. Идея соборности в творчестве А. С. Хомякова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е. О. Непоклонова; Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2002. 20 с.
5. Николаева С. Ю. А. П. Чехов и «степное царство» русской литературы. Тверь: Тверской государственный университет, 2019. 257 с.
6. Памятники литературы Древней Руси: XIII век. Москва: Художественная литература, 1981. 616 с.
7. Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. вторая. Москва: Художественная литература, 1989. 704 с.
8. Рубежанский С. И. Религиозная философия А. С. Хомякова: культурно-исторические смыслы и цивилизационный проект: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / С. И. Рубежанский; Белгородский гос. ун-т. Белгород, 2017. 29 с.
9. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Ленинград: Советский писатель, 1969. 595 с.
10. Чехов А. П. Записные книжки 1891–1904 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. Москва: Наука, 1974–1983.

ABOUT THE LITERARY DIALOGICITY OF THE POETRY BY A. S. KHOMYAKOV

S. Y. Nikolaeva, V. A. Redkin

Tver State University, Tver

A. S. Khomyakov's poetry is considered in the aspect of literary connections, both genetic and typological. The rootedness of A. S.'s creativity is demonstrated. Khomyakov in ancient Russian traditions, his appeal to the poets of subsequent eras. The main themes of Khomyakov's poetry (creativity, Russian land, Russian god, Rus-steppe, individual spiritual experience and the search for modern man) make Khomyakov's legacy a very noticeable and influential organic part of Russian literature. Reading Khomyakov's poetry in a broad literary context allows us to establish correspondences with artists who, it would seem, were far from the Slavophile movement and from Khomyakov's poetic world, but still find interesting points of contact with him.

Keywords: *A. S. Khomyakov, poetry of the Slavophiles, literary connections, tradition, dialogical nature of literature, intertext*

Об авторах:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Nikolaeva.SY@tversu.ru.

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Redkin.VA@tversu.ru.

About the authors:

NIKOLAEVA Svetlana Yurievna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: Nikolaeva.SY@tversu.ru.

REDKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: Redkin.VA@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2024 г.
Дата подписания в печать: 01.03.2024 г.